

ПРОЛОГ

Перед самым рассветом

Грязно-белый автобус катил по старой однополосной дороге. Тем паршивым серым утром было холодно, температура опустилась чуть ниже нуля. Конец сентября, но в Швеции, где летом солнце никогда не спит, ночи снова становились длиннее. В середине зимы наступит мрачный период, когда взлетит национальная статистика суицидов, а также потребления наркотиков и алкоголя, — придут снега и круглосуточная темнота. Пока же дорога впереди была чистой. Да, стояли холод и мгла, но дождь не шел уже много дней, и земля под вращающимися колесами была сухой, как старые кости.

Бодрствовал только водитель, как он утверждал позже. Все остальные — четверо музыкантов группы, их тур-менеджер, трое техников, — спали на своих тонких деревянных кроватях, врезанных в стенки задней части автобуса, с картонными ставнями над окнами, защищавшими от сквозняка. Английский автобус был не лучшим вариантом для ночных путешествий по неанглийским дорогам, где дорожное движение организовано с правой стороны, а не с левой. Водитель много раз ездил по этим дорогам, в отличие от группы, которую вез. Все всегда шло по плану, и тогда должно было быть так же.

А потом случилось это.

Позже они много спорили и спорят до сих пор, четверть века спустя. **Был ли на дороге лед? Было достаточно холодно, но ведь ни дождь, ни снег не шел ни в один из предшествующих дней. Тогда, может быть, водитель уснул? Или он был пьян, или, возможно, под кайфом? Если так, то почему полиция, арестовавшая его на месте происшествия, потом отпустила, сняв все обвинения? Или что-то случилось с автобусом?** И снова криминалисты сказали «нет». Когда они осмотрели обломки, к техническому состоянию автобуса не возникло претензий. Единственное, что кто-то мог впоследствии

знать точно, — автобус перевернулся, когда вошел в легкий левый поворот. Первым это осознал водитель, сидящий с правой стороны, когда увидел, что автобус соскользнул с аварийной полосы в сторону гравия, насыпанного вдоль трассы, а правые колеса оказались в грязи.

Теперь уже совсем встревоженный, с широко открытыми глазами, водитель резко крутанул руль влево в попытке вернуть автобус на дорогу. На секунду ему показалось, что у него получилось. Но хвост занесло вправо, и огромные задние колеса сошли с трассы и запрыгали по грязной обочине. Водитель в панике пытался взять ситуацию под контроль.

Безрезультатно. Люди начали просыпаться, с криками падая со своих коек. Автобус накренился в сторону, в считанные секунды сделал полный разворот, и колеса остановились, как только тошнотворно врезались в бордюр на противоположной стороне дороги. Звук бьющегося стекла, снова крики и стоны, а затем ужасающий момент, когда автобус опрокинулся набок и ударился о землю с громоподобным треском.

Двое из девяти пассажиров лежали под кроватями, которые сложились друг на друга слева направо. Пятеро отделались небольшими травмами: сломанным пальцем ноги или еще чем-то незначительным, — а один лежал мертвый, и его ноги торчали из-под автобуса. Водитель оказался везучим — у него остались лишь небольшие порезы и синяки.

Рассвет брезжил у самого горизонта, но было все еще темно и так же пронизывающе холодно. Одним из первых, кто выбрался из-под обломков, стал барабанщик: низкий, худощавый парнишка с длинными волосами чайного цвета. Он сорвался с места и побежал по дороге, сам не зная куда, просто подальше оттуда, настолько обезумевший, что не чувствовал боли в сломанном пальце ноги. Этот сообразительный молодой авантюрист привык ко многому, но такого никогда ранее не видел.

Вслед за ним выбрался гитарный техник: гигант высотой более двух метров, выкарабкавшийся из переднего левого выхода, который теперь был люком в потолке, — и стоял в одном белье, его спина горела от боли.

Из заднего запасного выхода вышел солист: высокий парень с растерянным видом, тоже в одних носках и белье, — он орал и вопил, вне себя от гнева. Кашляя и крича, за ним следом шел гитарист: еще один невысокий, тощий, сухой человек с большими

темными глазами, в которых отражались ночное небо и летающий вокруг пепел. Все шумели, никто не знал, что происходит, что делать и что делать дальше. Было все еще темно, промозгло, и к такому, все оказались не готовы. Они лишь понимали, что все плохо, чертовски плохо.

К тому моменту, когда час спустя появился второй автобус с остальной частью команды, и примчалась первая из семи машин «Скорой помощи», только тур-менеджер, казалось, осознал, что произошло, и пребывал в настолько сильном шоке, что понятия не имел, как донести это до остальных. Донести мысль о том, что они оставят здесь одного из своих. Не кого-то случайного, а того, в ком они чувствовали источник своей удачи, кем дорожили больше, чем друг другом, на кого всегда равнялись, даже когда подшучивали или пренебрегали его советом, кого ценили за чувство целостности, чувство правильного и неправильного, которое остальным всегда казалось немного чрезмерным просто потому, что молодые сопливки не всегда задумываются о правильности, их скорее волнует то, что круче здесь и сейчас.

Темнота отступила, и серое небо просветлело над их головами. **Они залезли в машины «Скорой помощи» и уехали, еще не зная, что за спиной оставили не только свое прошлое, но и будущее. Единственного, кого они любили и делили между собой, гласно или негласно, до того самого момента, когда автобус врезался в невидимый кусок льда, а чертов водитель если и не спал, то был недостаточно бодр, чтобы следовать изгибу дороги; карту сокровищ, которая принадлежала им до тех пор, пока дьявол не взял все в свои руки и не изменил их жизни навсегда.** До того самого момента, пока Клифф Бертон — басист, ушедший на их глазах, — не забрал с собой душу группы вместе с ее самым банальным за всю историю тяжелого металла названием — Metallica.

Часть 1

РОЖДЕННЫЙ УМЕРЕТЬ

1. ПРИНЦ

Так странно и неожиданно, что спустя столько лет я начал думать, а было ли все на самом деле, или это своего рода ложные воспоминания, вызванные травмой. Но вид Ларса, прыгающего ко мне на костылях вниз по лестнице Hammersmith Odeon (развлекательное заведение, расположенное в лондонском районе Хаммерсмит), до сих пор стоит перед глазами, несмотря на все минувшие дни, годы и целые жизни.

Я не помню того концерта, кто и что это было, только момент, когда он на всей скорости соскочил со ступеней, окрикнув меня по имени:

«Эй, Мик, твою мать! Что происходит?»

Главный вход заперт, фанаты давно ушли. Я мог только предположить, что он просто тусовался на той же алкогольной вечеринке после концерта, что и я, слоняясь по бару наверху до самого утра, а теперь искал такси. Но тогда я его не видел. И все же в том состоянии, в котором я тогда находился, мое поле зрения было ограничено, сжато до сморщенного острого кончика иглы. Это была первая вылазка после смерти моей матери за пару недель до того. Она была моложе, чем я сейчас, когда ее сразил рак мозга, и ее уходу, хоть он и был относительно внезапным, предшествовали абсолютно бесчеловечные обстоятельства, мучительные для нее и невыносимые для тех, кто находился рядом.

Через мгновение Ларс уже стоял внизу, прямо у меня перед лицом. «Эй!» — выкрикнул он. Я вопросительно кивнул в сторону костылей. «Мой палец», — сказал он, как будто это было настолько старой новостью, что даже не стоило упоминания. Должно быть, я выглядел озадаченным. «Я сломал его». Я уставился на Ларса. «В аварии», — добавил он нетерпеливо.

Я привык к рок-звездам, даже к тем, кто еще не стал популярен, как Ларс, но кто думал, что ты знаешь все подробности их рабочих

будней и серьезно этим увлечен. Но все же... Сломанный палец? Авария? Какая авария?

Но ему это было совсем не интересно. Парень только хотел знать: «Так ты был здесь с нами?»

И снова я был сбит с толку. Он сразу это уловил. «Когда мы здесь выступали, ты, идиот!» А, теперь я понял. *Metallica* недавно отыграла в *Hammersmith Odeon*. Поскольку в последнее время я был их защитником в британской рок-прессе, Ларс небезосновательно ожидал, что я буду присутствовать на первом выступлении группы в качестве хедлайнера на престижном событии, вроде этого. Ну конечно, меня там не было. Вместо этого я или дежурил в больнице, или ехал из больницы домой, или собирался в больницу. Или же просто был в аду.

Но я тогда не знал, как выразить свои мысли словами. Я едва ли мог сказать это самому себе, не говоря уже о других. Мне было 28 лет, и мой мир одновременно сжался и расширился таким невероятным образом, что я только пытался все осознать. Ларсу было 22 года, и его подобное мало интересовало. Все, что имело значение, — это *Metallica*, ты, придурок!

«Нет, — сказал я, слишком истощенный, чтобы врать. — Хорошо прошло?»

«Что? — Ларс взорвался. — Как прошло? Тебя что там не было?» Он посмотрел на меня с разочарованием, смешанным со злостью и негодованием. «Это было чертовски хорошо! Ты пропустил суперофигительный концерт! Все билеты были распроданы, и фанаты обезумели!»

«Это здорово, — сказал я. — Жаль, что я все пропустил, чувак». Он гневно смотрел мне в глаза. Рано повзрослевший ребенок, быстро превращающийся в полноценного мужчину, Ларс, возможно, слишком любил *Metallica*, любил то, что она давала ему, любил за свое отражение в зеркале, когда смотрел на него достаточно долго, чтобы подумать о чем-то другом. Однако он не был глупым человеком, и в тот момент, должно быть, понял по моему лицу, что происходит что-то еще, что-то довольно весомое, чтобы простить мне мое преступление, хотя и недостаточно весомое, чтобы о нем забыть, во всяком случае, не в обозримом будущем. Потому он сменил тему и после неуместной шутки снова поковылял на костылях, все еще недовольный мной, но уже не настолько обиженный. Или я так себя утешал. Он и его сломанный палец.

Я смотрел, как он исчезал в ночи, сопровождаемый репортером, ищущим, кто бы подбросил их до дома или куда они там собирались дальше.

«Авария, — подумал я. — Какая еще авария?»

Когда Джеймс Хэтфилд впервые встретил Ларса Ульриха, то сразу его разгадал. Сынок богатеньких родителей, — сказал он. Знаете, такой типаж: у него есть все; он единственный ребенок в семье, и не знает значения слова «нет». Таким он и был. Родившись в доме размером с замок в элегантном городке Хеллеруп, в самом модном районе коммуны Гентофте, в восточной Дании, Ларс Ульрих явился в этот мир во второй день Рождества в 1963 году. Будучи поздним рождественским подарком для бездетной пары, давно разменявшей третий десяток, и по меркам того времени уже старой для рождения детей, Ларс стал особенным с первого дня жизни. И это мнение он быстро начнет разделять.

Его отец Торбен был ветераном большого тенниса, проводшим более сотни матчей Кубка Дэвиса, во время которых он несколько раз приводил команду к финалу, и к тому же — полноправным членом послевоенного клуба богатеев. Мать, богемная Лоун, занималась в основном тем, что старалась спустить вечно витающего в облаках мужа с небес на землю. Будучи звездой эпохи любительского тенниса, чей возраст уже перевалил за 40 лет, он все еще побеждал в матчах Большого шлема, когда перешел в профессионалы в конце 1960-х. Интересы Торбена, однако, не сводились только к спорту. Из-за ограничений, введенных датскими спортивными властями той эры любительского тенниса, согласно которым в зарубежных соревнованиях можно было участвовать всего 5–6 раз в году, у него находилось время, чтобы также стать музыкальным обозревателем датской газеты Politiken, трубачом в нескольких джазовых ансамблях, а позже режиссером нескольких документальных фильмов и практикующим буддистом. Он был длинноволосым, с пышной бородой, и походил на Гэндальфа, а его одержимость фитнесом не прекратилась и после окончания спортивной карьеры. Как он вспоминал в интервью 2005 года, «наверное, я играл в теннис по вечерам, ближе к ночи шел играть на трубе, а после поднимался к себе за газетой или чтобы написать обзор, затем я мог встретиться с кем-то из друзей и позавтракать, и возвращался к группе для репетиции к полудню, а на теннис шел к трем. Иногда я внезапно понимал, что не спал три или четыре дня».

Его единственный сын вырастет окруженный этой круглосуточно бурлящей энергией; его самые ранние детские воспоминания были пронизаны постоянными увлечениями отца и гиперактивным образом жизни.

«До того, как я пошел в школу в семь лет, мы путешествовали по всему миру, — сказал мне Ларс в 2009-м. — Америка, Европа, в Австралии мы побывали пару раз... Мы провели зиму в Южной Африке, думаю, это был 1966-й или 1967-й». Его отец «выходил на Открытый чемпионат Австралии каждый год в январе. И это было в те дни, когда ты не просто запрыгивал в самолет, а отправлялся в настоящее путешествие... мы проводили много времени в Париже, Лондоне и других городах». Однако теннис являлся всего лишь «дневной работой». Дома «у нас повсюду были предметы искусства», атмосфера творчества и музыка. Будучи любителем джаза в те времена, когда Копенгаген стал центром притяжения для современных джазовых музыкантов, Торбен играл на кларнете и саксофоне, и Ларс рос в доме, где его окружали звуки, как он позже вспоминал, «Бена Уэбстера, Сонни Роллинза, Декстера Гордона, каждый из которых провел значительное время в Дании. Таким образом, это была очень здоровая среда, и мой отец [Торбен] много писал об этом».

Спальня Ларса находилась напротив музыкальной библиотеки, где Торбен хранил свою коллекцию записей, и откуда постоянно лился поток музыки. Нене Черри — дочь легенды саксофонной музыки Дона, и позже блестящая сольная певица, — выросла в том же районе и была другом детства Ларса. «Там было полно людей, которые просто тусовались, проходили разные ночные мероприятия: мы слушали джазовые записи, Хендрикса, The Rolling Stones, и Doors, и Дженис Джоплин... То есть в доме, где я рос, крутилось много музыкантов, и писателей, и художников, — всех, кто был связан с искусством». «Помимо рока и джаза, — говорил Торбен, — Ларса окружала индийская и все виды азиатской музыки, буддийские песнопения и классические произведения. Его комната располагалась напротив моей, где я всю ночь проигрывал записи, и иногда он даже мог слышать их во сне, так что, я думаю, он многое почерпнул, даже не осознавая этого». Тесные связи Торбена с зарождавшейся джазовой сценой в Дании привели к тому, что позднее Декстер Гордон стал крестным отцом Ларса. **Первое появление мальчика на профессиональной сцене случилось в возрасте девяти лет**

и ограничилось воплем в микрофон во время выступления Гордона в ночном клубе в Риме, куда родители Ларса поехали на вечеринку после Открытого чемпионата Италии. «Как какая-то собака в состоянии буйного помешательства», — позднее вспоминал его отец. Путешествия по миру дали Ларсу языковое преимущество; с малых лет он мог говорить на датском, английском, немецком и «на всех понемногу». Такой походный образ жизни означал, что Ларсу будет «всегда комфортно в пути». «С отцом я посетил те места, куда мы даже с Metallica никогда не ездили». Это также дало мальчику чувство сверхуверенности в себе, означавшей, что ни одна закрытая дверь не останется таковой надолго. Ему даже в голову не приходило, что где-то его могут не ждать.

Несмотря на то что Ларс унаследует любовь отца к музыке и искусству, именно от матери Лоун он получит свои лидерские качества, которые ему так пригодятся в карьере в Metallica. Помимо того, что она заботилась о двух мужчинах, «моя мама определенно была организатором и своего рода мозговым деловым центром», — рассказывал мне артист в последнем из многих наших совместных интервью в 2009-м. «Я имею в виду, что мой отец не знал, какое сейчас время суток, какой месяц, да даже какой год. Не знал, в какой стране находится. Он был одним из тех парней, которые каждую секунду чем-то поглощены (я говорю об этом в положительном ключе). А моя мама была поглощена заботой обо всех практических составляющих его жизни. Определенно, своими организационными способностями я обязан маме».

В те ранние дни спорт был превыше всего. Отец Торбена тоже являлся звездой тенниса. Более 20 лет он работал исполнительным директором по рекламе, участвовал в 74 матчах Кубка Дэвиса, прежде чем стал президентом Датской ассоциации тенниса. Хотя на Ларса и не оказывали давления, от него неизбежно ждали, что он продолжит семейную традицию. В жизни мальчика, однако, теннис и любовь к музыке очень скоро стали занимать равнозначно важные позиции. В 1969 году, во время ежегодного семейного пребывания в Лондоне, связанного с Уимблдоном и отборочными чемпионатами в Истборне и Куинсе, пятилетний Ларс впервые попал на рок-концерт: знаменитое выступление Rolling Stones перед более, чем 250-тысячной толпой в Гайд-парке. Он до сих пор хранит фото, сделанные его родителями. «Думаю, меня несколько лет таскали на разные джазовые мероприятия, знаешь,

во всякие местные джаз-клубы в Дании, — сказал мне Ларс. — Чаще всего в злачное место Ульрихов под названием Монмартр, которым мой отец [Торбен] помогал управлять. Но, что касается рок-конcertов, выступление 69 Stones было первым, однозначно». Тем не менее, настоящей музыкальной любовью Ларса были звезды тяжелого рока начала 1970-х, такие как Uriah Heep, Status Quo, и, в особенности, Deep Purple, которых он увидел вживую на сцене, когда ему было всего девять. Друг Торбена Рэй Мур, южноафриканский игрок в теннис, дал ему билеты на шоу, проходившее на том же стадионе, что и турнир. Когда друг Рэя в последний момент отказался, он предложил свободный билет сыну Торбена. «Они без преувеличения снесли мне крышу! — говорил Ларс. — Музыка так и крутилась у меня в голове дни, недели напролет!» Он сразу же выпросил у Торбена альбом Deep Purple Fireball. В этом мужчины, однако, не полностью его поддерживал. «Он говорил, что эта музыка примитивная, а барабанщик слишком белый», — вспоминал Ларс. Но отца он не слушал. «У меня очень увлекающийся тип личности, — как он будет позже вспоминать. — Когда мне было девять, кумирами были только Deep Purple». По-взрослев, он даже стал следить за группой. «Я проводил все время у их отеля в Копенгагене, ожидая, что Ричи Блэкмор выйдет, и я смогу следовать за ним по улице». Когда спустя 30 лет я спрашиваю взрослого мужчину, отца троих детей, какой у него любимый альбом, он не сомневается ни секунды. «Мой самый любимый альбом всех времен — это все еще Made in Japan, двойная живая запись Purple 1972 года». **Первым шоу, на которое он заполучил билеты в первый ряд, было выступление Status Quo в концертном зале «Тиволи» в Копенгагене в 1975 году, которое он позже будет называть «немного шокирующим». Ему было 11 лет, и все, о чем он мог думать, — это как он туда попал.** «Как я пробрался так близко? Собирались ли те пьяные шведы меня избить или, что еще хуже, могло ли кого-то из них стошнить прямо на меня?» Стоя так близко к сцене, Ларс едва ли мог видеть группу, игравшую всего в 30 сантиметрах от него. Фронтмен Фрэнсис Росси «выглядел как Повелитель рока, в нем было больше трех метров роста, половину из которых занимали длинные волосы, а его гитара “Телекастер” походила на оружие, способное надрать всем задницу». Ларс начал зависать в самом известном в Копенгагене магазине пластинок, специализирующемся на альбомах, Священном Граа-